

*Н.Л. Беячиц, младший научный сотрудник
отдела научно-методического обеспечения
судебной экспертизы, деятельности судов и
сертификации НИИ криминалистики и су-
дебной экспертизы Министерства юстиции
Республики Беларусь*

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ СУДОМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Проблема оценки заключения эксперта в теории судебной экспертизы решается неоднозначно. Практическая реализация установленной законом обязанности суда подвергать всесторонней оценке заключения эксперта также сталкивается с определенными трудностями. Анализируются основные теоретические проблемы оценки заключения эксперта и практики его использования при обосновании выносимого судом постановления по уголовному делу (на основе обобщения практики рассмотрения уголовных дел судами Ленинского и Октябрьского районов Минска).

Одним из требований, предъявляемых процессуальным законом к постановлениям, выносимым судом по уголовным делам, является их обоснованность. Это означает, что все факты, входящие в предмет доказывания, должны быть подтверждены достаточными и достоверными доказательствами, учтены судом при вынесении постановления, а сделанные в нем выводы должны соответствовать установленным фактам. Такими доказательствами в уголовном процессе выступают фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, в частности содержащиеся в заключении эксперта (ст. 88 УПК Республики Беларусь). На обеспечение обоснованности судебных постановлений направлен процесс доказывания, в составе которого процессуалистами и криминалистами выделяется несколько этапов. Так, авторы монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» определяют в качестве таковых операции по собиранию, закреплению, проверке и оценке фактических данных, необходимых для установления истины по уголовному делу и решения задач уголовного судопроизводства [9, с. 298]. Р.С. Белкин и А.И. Винберг полагают, что самостоятельным этапом процесса доказывания является также использование доказательств [1, с. 180].

Процессуальное законодательство Республики Беларусь не дает основания для выделения использования доказательств в самостоятельный элемент процесса доказывания, закрепляя в составе последнего лишь собирание, проверку и оценку доказательств (ч. 1 ст. 102 УПК Республики Беларусь). Вместе с тем нельзя полностью отрицать его наличие. Как заметил А.Р. Белкин, использование доказательств, оперирование ими и есть собственно доказывание, ибо сами по себе доказательства, не использованные для подтверждения или опровержения того или иного тезиса доказывания, остаются за рамками этого процесса [2, с. 367]. Подобной позиции придерживается и Н.А. Селиванов, включая в понятие «использование доказательств» обнаружение доказательств, их фиксацию, изъятие и оценку [8, с. 8], то есть по существу объединяя в нем весь процесс доказывания.

Ряд авторов видят решение проблемы в употреблении термина «оценка» в узком и широком смысле. В первом случае он означает лишь установление доказательственной роли того или иного установленного факта, во втором - включает использование последнего. Использование в свою очередь состоит в оперировании выявленными фактами для установления обстоятельств дела [7, с. 98].

На наш взгляд, использование доказательства как основы процессуальных решений является своего рода внешним выражением идеального процесса его оценки. Ведь оценка любого доказательства, в том числе содержащегося в заключении эксперта, является мыслительной деятельностью, ход которой не отражается в процессуальных документах, поэтому анализ последующего его использования, а именно принятых судом процессуальных решений, оформленных соответствующими документами, является едва ли не единственным показателем, который позволяет судить о месте, отведенном судом тем или иным фактическим данным, в системе имеющихся доказательств по конкретному уголовному делу.

Применительно к деятельности суда использование доказательств выражается в наличии доказательственной базы, достаточной для принятия того или иного решения по рассматриваемому делу. Представляется, что для обоснования содержащегося в постановлении решения суду следует не просто приводить доказательства, не перечислять их, а объяснять значение каждого из них, делать выводы из совокупности нескольких доказательств.

Как один из источников доказательств заключение эксперта должно быть подвергнуто всесторонней оценке органом, осуществляющим уголовное преследование, и судом. Этот на первый взгляд

простой вопрос уже долгое время не теряет своей актуальности. В ходе его активного обсуждения сформировалось несколько диаметрально противоположных позиций. Это обусловлено особенностями самого предмета обсуждения - заключения эксперта. Дело в том, что это единственный источник доказательств, который основан на специально проведенном исследовании с использованием научных знаний. В результате он, во-первых, обладает достаточно высокой степенью объективности и, во-вторых, его оценка представляет определенную сложность для лиц, таковыми знаниями не обладающих, поэтому еще до революции возникла концепция эксперта как научного судьи, мнение которого по разрешаемым им вопросам не может подвергаться никаким сомнениям. Такой позиции придерживался, например, известный ученый в области судебной медицины начала XX в. Л.Е. Владимиров: «Судьи не могут критически относиться к экспертизе, для понимания оснований которой требуется ряд лет научных занятий. Им остается только следовать авторитетному указанию экспертов. Суд самостоятелен в выборе экспертов. Но раз последние выбраны, судья следует за ними, как слепой за своим поводырем» [3, с. 197].

Советский уголовный процесс, считая такую позицию отголоском теории формальных доказательств, в первых УПК 1922 и 1923 гг. установил право следователя и суда на оценку заключения эксперта, право следователя не соглашаться с заключением эксперта и назначать повторные экспертизы и право суда мотивированным решением отвергать заключение экспертов, не прибегая к помощи новой экспертизы (ст. 174, 298, 300). Тем не менее, некоторые советские авторы отрицали возможность оценки заключения эксперта следователем и судом. Такие взгляды были высказаны в 20-е гг. XX в. М.А. Чельцовым, полагавшим, что экспертиза, задачей которой является анализ индивидуальных и социальных качеств обвиняемого посредством суждений антропологических, психологических, психопатологических, не является доказательством и поэтому не может быть предметом оценки суда по внутреннему убеждению. Он объяснял это тем, что такое заключение «...не может сопоставляться с другими доказательствами дела, у суда нет критерия для оценки подобного заключения» [10, с. 148].

По мнению ряда ученых, суд способен реально оценить лишь некоторые стороны заключения эксперта (полноту, логичность, соблюдение процессуальных требований). Так, в юридической литературе 50-х гг. XX в. высказывалось мнение, что оценка экспертного заключения сводится к одному только логическому анализу умозаключений эксперта, поскольку следователь и суд не могут правильно понять смысл и значение методов экспертного исследования. Например, Б.А. Галкин и Н.Я. Калашникова полагали, что «...суду следует не подвергать критике те или иные научные данные, а проверять, насколько убедительны доводы и выводы эксперта, не противоречат ли они материалам дела» [4, с. 46].

Подобные взгляды существуют и сегодня. Некоторые из них представляются весьма спорными, как, например, мнение о том, что «...в случае, если экспертное заключение отвечает требованиям, предъявляемым к доказательствам по уголовному делу, то оно может иметь преимущество (предпочтение) перед другими доказательствами» [6, с. 5]. Совершенно, на наш взгляд, справедливо заметил в свое время А.В. Дулов: «Доказательство - „заключение эксперта" появляется в результате деятельности определенного лица или группы лиц и поэтому может содержать в себе некоторые субъективные ошибки, устранение которых возможно и необходимо в результате тщательной оценки заключения следствием и судом» [5, с. 166].

Однако в настоящее время более актуальной проблемой является не безоговорочное доверие к выводам эксперта, а, скорее, обратная ситуация, когда последние не принимаются во внимание и не используются судом в полной мере при доказывании фактических обстоятельств дела. Изучение практики рассмотрения уголовных дел районными судами Минска показало, что из 81 заключения, содержащего категорические выводы, имеющие доказательственное значение и относящиеся к фактическим обстоятельствам дела, подлежащим доказыванию, 27 заключений (33,3 %) не были исследованы судом в ходе судебного разбирательства и не фигурировали в описательно-мотивировочной части приговоров в числе источников доказательств, хотя судебное следствие по этим делам проводилось не в сокращенном порядке. Например, экспертиза, проведенная по уголовному делу о краже автомагнитолы из автомобиля, показала, что отрезок провода, изъятый при осмотре места происшествия, и провод соответствующего цвета, прикрепленный к задней панели автомагнитолы, изъятой у Д., ранее составляли единое целое. Такой вывод эксперта позволяет суду считать доказанным факт обнаружения у обвиняемого похищенного имущества, что является одним из доказательств его причастности к преступлению. Однако это заключение эксперта не было принято во внимание судом при вынесении приговора.

Встречаются ситуации, когда суд в приговоре ссылается на заключение эксперта, выводы которого не могут рассматриваться в качестве доказательств. Таковыми являются, например, выводы о том, что «след обуви, изъятый при осмотре места происшествия, пригоден для идентификации», что «...на предмете, представленном на исследование, обнаружена кровь человека в количестве, недостаточном для определения ее групповой принадлежности», что «...часть следов пальцев рук, изъятых при осмотре автомобиля (предмета преступления), принадлежат свидетелям». В подтверждение сказанного можно привести следующий пример. П. обвинялся в том, что он беспричинно из хулиганских побуждений избил Г. Согласно показаниям свидетелей они видели в руках П. палку, однако не могли точно утверждать, наносил ли П. этой палкой удары потерпевшему. При осмотре места происшествия были изъяты два деревянных бруска со следами разлома, на одном из которых обнаружены пятна вещества бурого цвета, похожего на кровь. Назначенная по делу трасологическая экспертиза подтвердила, что эти два бруска ранее составляли одно целое. На основании этого вывода оба бруска были приобщены следователем к делу в качестве вещественных доказательств. В описательно-мотивировочной части приговора суд указал, что «виновность подтверждается заключением трасологической экспертизы». Однако данное заключение не имеет отношения к доказыванию вины П., поскольку не подтверждает факт нанесения П. ударов потерпевшему этой палкой.

В практике встречаются случаи, когда приговор содержит ссылку на заключение эксперта как на источник доказательств, несмотря на то что оно не было исследовано судом в ходе судебного заседания. Это противоречит ч. 4 ст. 286 УПК Республики Беларусь, предусматривающей, что приговор суда может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном разбирательстве. Так, в описательно-мотивировочной части приговора по уголовному делу в отношении В., обвиняемого в использовании заведомо подложного удостоверения о качестве, изложены факты, установленные экспертом в ходе производства технико-криминалистической экспертизы документов (о том, что оттиски печатей нанесены способом капельно-струйной печати с использованием принтерного устройства для ПЭВМ), хотя заключение эксперта не исследовалось в ходе судебного разбирательства.

Встречаются ситуации, когда заключение эксперта, хотя и было исследовано судом в ходе судебного разбирательства, в приговоре как доказательство не упоминается. В качестве примера можно привести уголовное дело по обвинению С. по ч. 1 ст. 380 УК Республики Беларусь. С. предъявил на линии контроля станции метрополитена удостоверение инвалида и был задержан, поскольку удостоверение вызвало сомнения в подлинности. По делу была назначена технико-криминалистическая экспертиза документов, в ходе которой было установлено, что бланк удостоверения, включая изображение оттиска печати, изготовлен способом цветной капельно-струйной печати с использованием принтерного устройства для ПЭВМ не на предприятии, осуществляющем производство документов данного вида в Республике Беларусь. В приговоре, вынесенном по делу, основным доказательством являются признательные показания обвиняемого. Заключение же эксперта в перечне источников доказательств не фигурирует, несмотря на то что в ходе судебного заседания оно было оглашено.

Постановление пленума Верховного суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» также содержит ряд норм, регламентирующих порядок отражения в приговоре результатов оценки заключения эксперта. Так, Верховный суд Республики Беларусь указывает, что в приговоре необходимо излагать и анализировать установленные заключением эксперта факты, а не ограничиваться ссылкой на наличие заключения (п. 22 ч. 3 постановления). Ссылаясь в приговоре на заключение эксперта, подтверждающее, по мнению суда, те или иные фактические обстоятельства, необходимо изложить в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора ту часть заключения, которая имеет доказательственное значение (ч. 4 п. 10 постановления). Вместе с тем из 54 исследованных заключений эксперта, содержащихся в описательно-мотивировочной части приговора, в 18,5 % случаев есть ссылка на заключение эксперта как на доказательство, однако его содержание остается нераскрытым.

В некоторых случаях факты, установленные экспертом, излагаются в приговоре, однако указание на источник этих фактов - заключение эксперта - отсутствует. Так, по уголовному делу в отношении Б., обвиняемого по ч. 2 ст. 317 УК Республики Беларусь, была назначена судебно-автотехническая экспертиза с целью определения скорости транспортного средства перед принятием водителем мер к торможению, в ходе которой было установлено, что эта скорость составляла 73,1 км/ч. Данные о скорости транспортного средства упоминаются в приговоре без указания источника их получения.

В большинстве изученных постановлений по уголовным делам суд указывает на заключение эксперта как на доказательство виновности обвиняемого. Вместе с тем данная формулировка представ-

ляется не совсем корректной. Вопрос о вине и ее форме носит правовой характер, следовательно, не может быть решен судебной экспертизой как выходящий за пределы ее компетенции. Выводы эксперта доказывают лишь отдельные факты (характер и степень тяжести телесных повреждений, присутствие обвиняемого на месте преступления, превышение скорости водителем транспортного средства, изготовление документа тем или иным способом и т. д.). Вопрос о виновности обвиняемого решается судом на основании изучения всех имеющихся доказательств в их совокупности.

Представляется, что правильно оценить и использовать заключение эксперта означает точно воспроизвести выводы эксперта в приговоре или правильно изложить их смысл и затем, включив соответствующие утверждения в систему посылок, сформулировать собственный вывод суда об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. В качестве примера можно привести уголовное дело по обвинению Ш. по ч. 2 ст. 166 УК Республики Беларусь, приговор по которому содержит достаточно полную оценку заключения: «Генотипоскопической экспертизой установлено, что при исследовании ДНК из пятна крови на белье Ш. установлено присутствие ДНК женского пола, выявлено более двух аллельных вариантов, что указывает на смешение биологического материала не менее чем от двух лиц. При этом генетические характеристики согласуются с генотипом потерпевшей (В.) и обвиняемого (Ш.). Таким образом, указанное пятно могло произойти за счет смешения биологического материала (крови, клеток) В. и Ш. Вероятность случайного согласования генетических признаков составляет 3,41⁻¹⁰. Это означает, что генетические характеристики, которые могли бы случайно согласоваться с генетическими характеристиками пятна, встречаются в популяции теоретически у 1 из 2,9 миллиона».

Значение полной и правильной оценки судом заключения эксперта трудно переоценить. В некоторых случаях она может явиться основанием изменения формулировки обвинения. Так, при расследовании уголовного дела по обвинению Ш. по ч. 1 ст. 328 и ч. 1 ст. 380 УК Республики Беларусь в аптеке был изъят рецепт, выписанный на имя А., по которому Ш. приобрел лекарственные препараты, содержащие наркотические вещества. По делу были назначены судебно-почерковедческая экспертиза и технико-криминалистическая экспертиза документов. Согласно результатам экспертиз рукописные записи в рецепте выполнены не Ш., а другим лицом, а бланк рецепта изготовлен способом плоской офсетной печати с фотомеханических печатных форм. Исследовать оттиски печатей и штампов на рецепте не представилось возможным по причине непригодности сравнительных образцов оттисков для идентификации. Оценив эти заключения, суд исключил из обвинения подделку рецепта, поскольку она не подтверждается материалами дела, признав доказанным только использование заведомо подложного документа, поскольку таковым признается и умышленное предъявление подлинного документа, выданного другому лицу.

По уголовному делу по ч. 2 ст. 317 УК Республики Беларусь суд, оценив вывод эксперта о том, что на момент ДТП рабочая тормозная система, рулевое управление и ходовая часть автомобиля находились в исправном состоянии, исключил из обвинения указание на нарушение обвиняемым правил эксплуатации автодорожных транспортных средств.

Полная и всесторонняя оценка заключения эксперта и использование судом в полной мере установленных экспертом фактов при доказывании фактических обстоятельств дела, на наш взгляд, окажет положительное влияние на качество выносимых судебных постановлений, их законность и обоснованность.

Библиографические ссылки

1. Белкин, Р.С. Криминалистика и доказывание : (методологические проблемы) / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. М. : Юрид. лит., 1969.
2. Белкин, А.Р. Теория доказательств в уголовном судопроизводстве / А.Р. Белкин. М. : НОРМА, 2005.
3. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. СПб. : Изд. кн. магазина «Законоведение», 1910.
4. Галкин, Б. А. Уголовный процесс. Библиотека народного судьи / Б. А. Галкин, Н.Я. Калашникова. М. : Госюриздат, 1949.
5. Дулов, А.В. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам / А.В. Дулов. Минск: Изд-во БГУ, 1959.
6. Ефремов, И.А. Вопросы теории и практики судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве / И.А. Ефремов // Рос. следователь. 2006. № 4.
7. Матийченко, Б.А. Вопросы оценки заключения эксперта следователем и судом / Б.А. Матийченко // Общетеоретические, правовые и организационные основы судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Всесоюз. НИИСЭ ; редкол.: Р.С. Белкин (председ.) [и др.]. М., 1987.
8. Селиванов, Н.А. Советская криминалистика: система понятий / Н.А. Селиванов. М. : Юрид. лит., 1982.
9. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин [и др.] ; отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд. М. : Юрид. лит., 1973.
10. Чельцов-Бебутов, М.А. Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов-Бебутов. Харьков : Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1929. Вып. II.